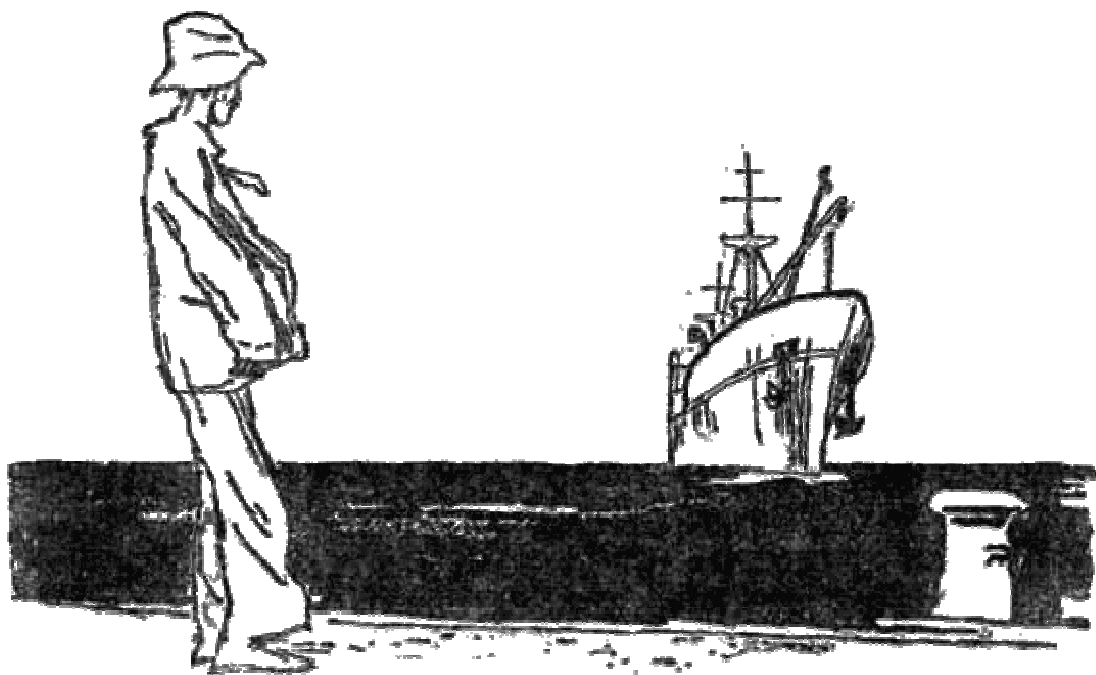

Лев Абрамович Кассиль Губернаторский пассажир

ГЛАВА 1

«Дед» наш, Гриша Афанасьев, часто любил рассказывать эту историю. Мы слышали ее каждый раз после какого-нибудь тяжелого дня в море или на стоянке.

Первый раз я слышал этот рассказ под утро, после страшной штормовой ночи, когда трепало нас одиннадцатибалльным норд-остом на косе у мыса Мидия ¹, растреклятого и трижды гибельного.

Слышал я этот рассказ в Атлантическом, когда шли мы из Америки.

Восемь дней бил нас тогда штормяга, нагнало зыби – сила страшная!

И утром, на девятые сутки, «дед», побрившись, уже рассказывал нам ту историю – про пассажира.

И когда бомбили нас испанские фашисты у Аликанте ² и шестнадцать тридцатипятикилограммовых бомб лопнули за левым и правым бортами, с кормы и с носа, и сквозь дымогарную трубу нашу засветили звезды, как в телескопе, – столько дыр понаделали в ней осколки, – тогда слышал я опять от «деда» его историю.

Потом, когда еще трепал нас тайфун в сутках хода от Формозы ³, «дед», как обычно в таких случаях, пришел в кают-компанию, чистенький такой, словно в кино собрался, утер пот со лба и, как всегда, проговорил:

– Тайфун, кажется? Поздравляю! Ну и шут с ним! Это можно вполне свободно

¹ *Мыс Мидий* – находится в Румынии на Черном море.

² *Аликанте* – город в Испании.

³ *Формоза* – прежнее название острова Тайвань.

вытерпеть. А вот как тогда с пассажиром этим, не к ветру будь помянут, такую вот мороку пережить еще раз – пронеси нелегкая!...

Мы-то уже все знали, что за история с пассажиром была у нашего «деда», но всегда были готовы послушать ее еще раз. А вам тоже будет небезынтересно узнать, каков же это он был, тот роковой пассажир, что показался нашему «деду» страшнее, чем шторм в Атлантическом, бомбежка в Аликанте и тайфун под Формозой.

Только вот что, товарищи: история эта, так сказать, международная и глубоко дипломатического характера, так что – молчок! И, кроме того, предупреждаю: местонахождения вам точного давать не намерен, а то кто-то из вас разболтает, а кто-то там за границей обидится, примет на свой счет, да пойдут тут ноты и всякие там меморандумы ⁴ и референдумы ⁵, а отвечай я, грузовой помощник! Нет уж, спасибо...

ГЛАВА 2

Так было это, значит, в порту... ну, допустим, в порту С. И сказал бы, да не могу, честное слово! Не просите.

«Дед» наш тогда только что получил свою первую большую посуду: теплоход «Кимовец», пять тысяч шестьсот тонн, ход тринадцать узлов ⁶, ленинградской постройки.

До этого «дед» ходил старпомом ⁷ на «Советской республике» и порядочно-таки полазил по морям. Но тут он впервые пошел в заграничное плавание настоящим и полным «капитаном».

А это, товарищи, не шутка – капитан дальнего плавания: четыре золотые нашивки на рукаве, хозяин большой посуды и команда в тридцать пять человек.

Я не помню, говорил ли я вам, что «деду» нашему и сейчас-то будет годочка этак тридцать два. А тогда он совсем был мальчонка, хотя ребята на берегу называли его уже «старый комсомолец», а на судне сразу определили «дедом». Так уж величают у нас каждого уважаемого капитана в каждой уважающей себя судовой команде.

А нашего молодого «деда» быстро оценили. Сразу всем понравился он – веселый, всегда нарядный, всегда свежий, словно сейчас из ванны, чистенький до блеску, шутит серьезно, а кругом все за животы хватаются. Зато в тяжелую минуту, когда у всех носы в люк смотрят, сам смеется как ни в чем не бывало.

Посуду ему дали, признаться, запущенную. На палубе ржавчина, план по грузу в загоне. А он в один месяц так все отскоблил и надраил, что не узнать стало теплохода – как новенький! И по выполнению плана на Черном море «Кимовец» стал вылезать на первые места. И уже поговаривали, что быть переходящему знамени у «Кимовца».

Но тут «дед» пошел на своем «Кимовце» со срочным грузом в дальнейшее плавание. Везли тогда они клепку, линтер ⁸, желуди, соленую рыбу.

День в день, час в час пришли под С. А место это, доложу я вам, чудесное. Хоть и

⁴ Меморандум – дипломатический документ, детально излагающий суть вопросов, являющихся предметом обсуждения.

⁵ Референдум – всенародный опрос по особо важным моментам государственной жизни.

⁶ *Ход тринадцать узлов* – это значит, что скорость корабля равна 13 морским милям в час. Морская миля – 1,85 километра.

⁷ *Старпом* – старший помощник капитана.

⁸ *Линтер* – волокно семян хлопка. Идет на изготовление ваты и искусственного шелка; легко воспламеняется.

жарковато. Волна мягкая, такая голубая, как будто сюда само небо натекло. Но небо от этого не вылиняло, а еще синее сделалось, словно сполоснутое. По берегу, у самого края, – дворцы, словно сахарные; легкий прибой лижет и посасывает их, и они вот-вот подтают в теплой водице. Бульвар – сплошные пальмы, такие тенистые, что под каждой собственные сумерки в самый полдень.

Я там не раз бывал. И хоть «дед» это место вспоминать не любит, все же, уверяю вас, есть там что вспомнить.

Ну-с, как полагается, подняли лоцманский флаг, приняли лоцмана, вошли за волнорез⁹, стали на внутреннем рейде.

Подошел катер. Начали оформляться.

Пока чиновник в тропическом белом шлеме возился с документами в кают-компании, а на парадном трапе сновали вверх и вниз голые туземные полисмены с кобурой на трусиках, к борту подошел еще один катер: белый весь, узкий, медяшка надраена, как солнце, на корме полотняный тент с фестончиками.

Высокий, очень прямой человек, с лиловыми мешочками под глазами, с выгоревшими бровями и подкрашенными черными усиками, легко соскочил с палубы катера на нижнюю ступеньку трапа и взбежал наверх. Полисмены отдавали ему честь, приветливо улыбаясь, как давнишнему знакомому:

– О, Грэмкавэй... синьор Грэмкавэй!

Высокий, небрежно отмахиваясь, прошел по палубе и поднялся на мостик. Был он в движениях легок, жесты у него были короткие, как бы отрывистые, и казалось, что заговори он – фразы у него будут жесткие, краткие.

– С прибытием, господин капитан! – сказал он неожиданно по-русски. – Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с капитаном Григорием Васильевичем Афанасьевым? Очень рад. Имею честь представиться: Сергей Николаевич Громковой. Поручик в прошлом. Уполномоченный фирмы. Вам, вероятно, говорили – груз принимаю я. Как погода в пути?

«Дед» наш знал, что в порту С. уполномоченным фирмы, которой предназначается груз, служит белогвардеец, русский, бывший врангелевец, бежавший за море вместе с остатками генеральских полчищ. Долго он таскался из порта в порт, вертелся на бирже, обделывал какие-то делишки на набережных. Теперь он работал в порту С., грузовые документы – коносаменты – были выписаны на его имя, и волей-неволей приходилось иметь с ним дело. «Деда» нашего предупреждали еще в Одессе, что без Громкового в порту С. не обойтись, но человек это прожженный, готов продать кого угодно и самого себя; ухо с ним надо держать востро.

– Я всегда сердечно рад встрече с земляком, – продолжал Громковой, бесцеремонно разглядывая капитана. – Однако как вы молоды, капитан! Это удивительно! Неужели сейчас в советском флоте так легко выдвинуться на командные посты? Скажите, вам уже минуло двадцать?

– Мне двадцать пять лет, – сказал «дед». – А вам, верно, за пятьдесят?

– Мне сорок четыре года, – сухо отчеканил Громковой. – Разве на вид больше? – И он озабоченно тронул усики.

Капитан ничего не ответил. Его раздражал этот самоуверенный и неискренне словоохотливый человек. Однако делать было нечего. Следовало немедленно приступить к выгрузке, и каждый час был дорог. А чиновники что-то очень долго возились с документами. Вмешательство Громкового мигом и чудодейственно положило конец всем процедурам, и портовые власти перешли от одного стола к другому, томно поглядывая на расставленные там бутылки с русской водкой и жестянки с икрой.

– О, кавиар! – сразу разомлели власти.

⁹ *Волнорез* – Обычно гавань ограждается со стороны моря каменной стеной – волноломом. Конец этой стены у того места, где оставлен проход для кораблей, называется волнорезом.

– О, русская икра! – говорил Сергей Николаевич Громковой, потирая руки. – Сколько лет, сколько зим! Настоящая икра. Кавиар.

Капитан, по совету опытного в таких делах Громкового, приготовил для портовых властей угощение. Вид свежей икры покориł чиновников. Жестянки быстро пустели.

– Попробую и я родной икрицы, – сказал Громковой.

– Икорки, – хмуро поправил капитан. – Забыли уже.

– Да, да, верно, именно икорки... Знаете, сколько лет... А время выветривает даже песок из скал, не только слова из памяти.

Позавтракав, договаривались о начале работ. Громковой обещал в четыре дня произвести всю выгрузку.

– Ин куаль луого? – осведомился капитан. – На каком месте мы будем разгружаться? Мы будем пришвартовываться к стенке?

– Но-о, – протянул Громковой, – мы должны еще кой о чем договориться с вами. И вообще, прошу по-русски. Так нам с вами будет удобнее, капитан. Видите ли, дорогой мой юный друг, – продолжал Громковой. – Вы разрешите вас называть просто Григорий Васильевич?... Так вот, Григорий Васильевич, мне поручено властями города договориться с вами об одном весьма существенном для нас и пустяковом для вас одолжении. Дирекция моя также будет вам весьма обязана... Мы попросим вас взять на борт одного пассажира. Он едет в Советскую Россию. Желательно, чтоб он миновал... э-эм... промежуточные страны. Для него и для нас было бы очень удобно, если бы вы согласились доставить его на своем корабле. Разумеется, все расходы мы берем на себя.

– Это можно, – сказал капитан. – Советская виза ¹⁰ у него уже есть?

– Разрешите, я налью себе еще... Прекрасная водка! Это что, особого заказа? Превосходная! Полное отсутствие сивушных примесей и хороший градус... Так, значит, Григорий Васильевич, мы договорились?

Капитан посмотрел на Громкового и покраснел.

– Я спрашиваю вас, как насчет визы пассажира.

– Ах да, визы, простьте, бога ради!... Вы знаете, эта ваша советская водка...

– Виза, а не водка, – сказал капитан.

– Одну минуточку, – заторопился Громковой, перестав разглядывать бутылку. – Визы пока у него нет. Но что стоит вам оформить ее в Одессе? Это же пустая формальность! Неужели мы будем с вами спорить по этому поводу? Мы готовы уплатить вперед за хлопоты...

– Без визы я пассажира не возьму, – сказал капитан. – Итак, синьоре Громковой, когда я стану под выгрузку?

Громковой поднялся, вытер рот салфеткой, смял ее и бросил на стол. Он был теперь снова сух и подтянут. Губы под черными усиками были плотно сжаты. Он пристально разглядывал капитана.

– М-да... Дело осложняется, – заметил он вполголоса. – Мне очень неприятно, Григорий Васильевич... Советский торговый флот хорошо знает меня, я всегда шел навстречу, но в данном случае я боюсь, что отказ ваш приведет к весьма неприятным последствиям.

– Финита! – сказал капитан и положил ладони на край стола. – Кончено об этом! Давайте говорить о выгрузке. Начнем с генерального груза.

«Дед» наш, несмотря на то, что для капитана он, может быть, годами и не вышел, когда надо, умеет держаться так, что ему позавидует любой капитан. И солидность в фигуре, и сигара в зубах, и шутка вполголоса по-английски или по-итальянски из «Спутника торгового моряка в иностранных портах», – есть такая книжка. Вот эдаким стал наш «дед» в ту минуту.

– Так когда приступаете к выгрузке? – спросил он у Громкового.

¹⁰ Виза – разрешение на въезд в страну; документ или специальная пометка на паспорте.

– Немедленно после того, как вы дадите согласие принять на борт пассажира.

– Этот разговор бесполезен.

– Жаль! – сказал Громковой. – Вы еще так молоды, а уже капитан: стоит ли из-за пустяков портить свою карьеру? Ведь в простое будете виноваты вы.

– Пусть вас не волнует моя карьера, синьоре Громковой, – сказал капитан и пошел к дверям. – Мне нужно сойти на берег.

– Довето эссере мунито д'ен пермесо, – громко на этот раз, чтобы слышали полисмены у трапа, сказал Громковой, – вы должны иметь разрешение, капитан, а его у вас пока еще нет.

Громковой прошел к трапу, спустился на свой катер. За покатою кормой катера забурлила вода, и он словно прынул вперед. Красно-бело-зеленый флаг забился над разбегающимся пенным следом. Громковой высунулся из-под тента и помахал рукой.

– Алло, капитан! Подумайте. Вы же капитан торгового флота. Не ерепеньтесь. Коммерция есть коммерция, молодой человек! Вечером я приеду с пассажиром.

За катером Громкового ушел и полицейский катер. Двое молчаливых часовых-полисменов остались на палубе. Команда встревоженно поглядывала на «деда». Все понимали, что заваривается какая-то темная история.

В каюте капитана состоялось совещание. Пришел второй механик, коммунист Петров, усатый, сутулый, самый старший член экипажа. На пороге, обитом медью, уселся на корточках помощник шеф-повара комсомолец Еремчук. Положив большие руки на колени, сидели на диване коммунисты корабля и члены судового комитета.

Капитан изложил, что произошло.

– Сколько бы это нам ни стоило, – говорил капитан, – не можем мы взять на борт какую-то подозрительную личность без нашей визы. Раз навсегда пусть они у себя на носу зарубят, что палуба советского корабля – это кусок нашей территории...

– Это они просто нас изучают, – сказал Петров.

С ним согласились, решили ждать. В судовом журнале записали: «Выгрузка не производится вследствие отказа выполнить незаконные требования представителя фирмы и препятствий, чинимых портовыми властями, выразившихся в предложении взять на борт теплохода пассажира, не имеющего визы советского полпредства». Капитан всегда старался уложить все в одну фразу, но о красоте слога заботился мало.

Хорошо было бы запросить по радио Одессу или Москву. Но, как полагается при стоянках в иностранном порту, радиорубка была опечатана.

Десятки законов, сотни параграфов, тысячи пунктов и правил вступили в силу с момента, когда якорь «Кимовца», грохнув цепью, вошел в прозрачную воду и лег на песчаное дно у порта С.

Капитан хорошо изучил все порядки, когда плавал еще помощником, и всегда посмеивался над этими придирчивыми условностями. Но сейчас он сам, и полностью, отвечал за соблюдение всех международных требований и приличий.

Это было потруднее, чем выбрать нужную вилку для рыбы на первом торжественном обеде в Интернациональном клубе моряков.

Капитан вспомнил этот случай и покраснел. Хорошо, что тогда старый «дед» Валентин Георгиевич незаметно пододвинул ему полагающийся тут трезубец, а то полез бы третий помощник в рыбу десертной вилочкой.

Вот был бы сейчас тут Валентин Георгиевич, сразу нашел бы выход. Да и не посмел бы этот белогвардеец так разговаривать со старым капитаном. Валентин Георгиевич показал бы ему эти разговоры! А тут, конечно, видит – мальчишка, вот и обнаглел.

«Ладно, я тебе покажу мальчишку! – совсем рассердился капитан. – У, „икрица“! – вспомнил он. – На борт бы к себе не пустил!»

За иллюминаторами слабо колыхалась пологая зеленоватая волна, такая же, как у Батуми или у ялтинского мола, может быть, чуть зеленее, и птица качалась на волне знакомая, что-то вроде чирка. Но и птица и вода здесь были чужие. За бортом ходил

полицейский катер. Сойти на берег пока что было нельзя. А по эту сторону фальшборта ¹¹ все было своим, родным, знакомым до последней заклепки, вот до этой царапины на перилах. И за все, что жило и действовало здесь, отвечал он, капитан.

Солнце жгло палубу, в каютах было душно и жарко. Капитан открыл все иллюминаторы, прилег на диван.

«Вот не повезло! – думал он. – В первом же дальнем рейсе и такое осложнение! Вот тебе и переходящее знамя, вот тебе и портрет в газете... Может, действительно плюнуть на визу и взять пассажира? В Одессе сдать куда надо, пусть разбираются... Нет, нельзя. Не имеют они права всучивать мне насильно кого бы то ни было. Капитан я, в конце концов, или не капитан?!»

Но тут ему стали мерещиться огромные цифры убытков от простоя в чужом порту. Он ворочался с боку на бок, вставал, закуривал, подходил к шкафу, вынимал книги по лоции и навигации, рылся в справочниках. Но в книгах не было ответа. И даже верный «Спутник торгового моряка в иностранных портах» ничего не мог толком посоветовать.

«Ву репондре си ле навир рест о де ля тюттерн... – читал он в „Спутнике“. – Зи верден фюр ди вартецейт дес шифес ферантвортен... Вы будете отвечать за простой парохода...» – читал капитан по-французски, по-немецки, по-английски, по-итальянски и знал, что отвечать за простой парохода будет он, капитан «Кимовца», комсомолец Григорий Васильевич Афанасьев, и никто иной больше.

У открытых дверей покашлял кто-то.

– Ну, влезай, влезай! – закричал капитан.

– Это я, Григорь Василич, – заговорил вошедший Еремчук и, вытерев руки о фартук, снял белый колпак с головы. – Неприятность, Григорь Василич.

– Ну что такое? Пригорел кухен ¹², что ли?

– Да нет, Григорь Василич, у нас что ж, у нас не горит, а вот, чую, у вас паленым потянуло. Что ж, Григорь Василич, так и будем стоять веки вечные?

– Там видно будет.

– Я вот к чему, Григорь Василич... Вот наблюдаю я тебя и прямо-таки поражаюсь... Ведь вместе в Севастополе за гривенниками ныряли. Я даже лучше ловил, честное слово! В одну ячейку записывались. И вдруг пожалте – капитан дальнего плавания. Смотри только, Григорь Василич, сейчас себя не подведи. Момент международный в остром смысле. Тут главное – выдержка.

– Ладно, ладно тебе, – сказал капитан. – Хочешь, давай со мной в домино?

– Ну, в домино ты со мной не равняйся, Григорь Василич, – говорил Еремчук, раскладывая кости. – Лучше против меня в домино и не начинать. Тут тоже, брат, весь секрет в выдержке. Ставлю! Шесть и шесть! Туды-сюды. На кон!

Они с размаху и с треском ставили на стол костяшки. Капитан играл молча. Еремчук приговаривал: «Хожу – пошел. Ставлю накрест. Вира... Стоп, игра!»

Проиграл капитан.

– Тут все в выдержке, – сказал довольный Еремчук. Вошел вахтенный и сообщил, что к борту подходит давешний катер. Капитан застегнул белый китель и быстро вышел на палубу. Он увидел, что Громковой помогал ступить на трап какому-то человеку в белом полотняном костюме, который болтался вокруг хлипкого тела незнакомца так, что казалось, ничего не было в этих рукавах, брюках, пиджаке. Неизвестный выглядел совсем бесплотным, и ветер легко трепал белую ткань вокруг этих суетливодвигающихся пустот на том месте, где полагалось быть рукам, ногам и туловищу человека.

– Григорий Васильевич, – закричал снизу Громковой, – пожалуйста, принимайте

¹¹ *Фальшборт* – часть борта, возвышающаяся над палубой и ограждающая ее.

¹² *Кухен (нем.)* – пирог.

пассажира!

– Живо поднять трап! – скомандовал капитан. Трое молодых матросов кинулись исполнять команду.

Трап стал быстро подниматься вверх, но болтавшийся, трепыхавшийся на ветру человек, цепко ухватившись за поручни и ступеньки, оказался поднятым вместе с лестницей.

– Вы видите, – закричал опять Громковой, на этот раз по-итальянски, – капитан так любезен, что поднимает вас на лифте!

– Отставить! – сказал капитан.

– Есть отставить! Трап пошел книзу.

– Капитан!... Синьоре капитано!... Падроне!... ¹³ – залепетал человек по-итальянски. – Что вы имеете против того, чтобы я плыл вместе с вами? Прошу вас, не откажите... Меня здесь преследуют: я коммунист, – почти зашептал он, взбираясь тем временем кверху. – Ради бога, капитан, вы спасете меня!

Он был уже на самом верху трапа, но двое матросов, став на пути, не давали ему ступить на палубу.

– Получите визу, – сказал капитан, – и тогда я вас беспрекословно возьму с собой. А сейчас, пока нет визы, прошу немедленно оставить судно.

Громковой в несколько прыжков взбежал по трапу, толкнул с раздражением человека и что-то шепнул ему на ухо. Тот поплелся вниз.

– Добрый вечер, – вежливо откозырял Громковой. – Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз, капитан.

Они прошли в каюту Григория Васильевича.

– Послушайте, капитан, – опять принялся за свое Громковой, – я просто как земляк и старший друг обязан уговорить вас. Ведь вы потерпите чудовищные убытки. Губернатор категорически запретил приступать к выгрузке, пока вы не дадите согласия.

– Ну, по пункту восемнадцатому чартер-договора за задержку судна властями не отвечаю ни я, ни вы.

– Нет, позвольте, капитан, там сказано: по причинам, не зависящим ни от той, ни от другой стороны. А здесь все зависит от вас...

– Что это за таинственный пассажир, чтоб ему пусто было, шут его возьми! – рассердился капитан. – Почему губернатор так заинтересован в том, чтобы я его взял?

– Дорогой капитан, я, к сожалению, не вправе разглашать... это личная семейная тайна. Губернатор просил передать вам, что здесь кругом его власть и он...

– Кругом, – отвечал капитан, обводя рукой над головой, – кругом и около, но не тут, в этих стенах, на этой палубе. Тут командир я. Это советское судно, и я здесь советский капитан, охраняющий законы нашей страны. Хватит про это, поговорим лучше о выгрузке.

– Нет, вы чудак, извините меня! – не унимался Громковой. – Ну поймите, что вам стоит взять его, а там, пожалуйста, можете сдать своим властям, меня это не касается. Нет, я вижу, вы не делец.

Капитан встал и пошел к двери.

– Ну погодите, – сказал Громковой, – хорошо, вы вынуждаете меня раскрыть секреты, которые я обязан был бы хранить... Этот пассажир – сын весьма состоятельных родителей и даже, между нами говоря, дальний родственник губернатора. Он, понимаете ли, не совсем оказался благонадежным. Он это... что-то там вроде коммуниста. Он мечтает о Советской России. Другого на его месте просто бы арестовали и засудили. Ну, а здесь родители упростили губернатора отправить юношу в Советскую Россию, куда он так стремится. Уверяю вас, он совершенный коммунист в душе. Мне кажется, что ваш долг спасти его... Ну вот, я раскрыл все свои карты; будьте благородны, капитан.

¹³ Падроне (*итал.*) – начальник, командир, капитан.

– Нет, – сказал капитан.

– Я уже не говорю об убытках... но подумайте, как отнесутся местные рабочие к тому, что вы отказали в убежище революционеру.

– Местные рабочие знают, о каких коммунистах может так заботиться губернатор.

– Григорий Васильевич, – сказал тогда Громковой, – я вас просто предупреждаю дружески. Вы слишком молоды, чтобы брать на себя решение такого сложного вопроса.

– А вы слишком стары, – сказал капитан, – чтобы понять все это... И если вы находите, что я слишком молод, то дайте мне возможность снести по радио или телеграфу с более старшими товарищами.

– До свиданья, – сказал Громковой. – Я уверен, вы еще одумаетесь. А нет, я ставлю крест на вашей карьере. Такие вещи у вас там не прощают. Где же ваше это самое выполнение плана?...

Команда у «деда» была под стать ему, все комсомольцы, молодежь, если не считать молчаливого Петрова.

– А вдруг действительно парень – коммунист, и ему грозят, а мы отворачиваемся? – начали сомневаться некоторые.

– Чепуха! – медленно, с расстановкой говорил Петров. – Пора, ребята, немножко разбираться в обстановке. Комсомольцы ведь! Станут вам губернатор и белогвардеец так нянчиться с коммунистом. Держи карман шире! Нет уж, извините, тут, товарищи, какой-то фокус-покус.

– Что за смысл для них навязать нам этого пассажира, я тоже еще сам не понимаю, – думал вслух капитан, – а чувствую: что-то тут неладно, нечисто за кормой у этого дяди.

– А может, Григорь Василич, возьмем мы этого типа, а там сдадим у нас кому следует, и чисто будет? – заикнулся Еремчук.

– Оставь! Не можем мы идти здесь на такие сделки-и кончено. Наш комсомольский грузовичок «Кимовец» – это сейчас отдаленный район СССР. И каждый из нас, товарищи, в данный момент – пограничник. Надеюсь, это все понимают? Если кто не сообразил еще, могу объяснить.

– И так ясно, Григорий Васильевич! Тут и понимать нечего. Так чувствуем.

Прошел еще один день, жаркий, пустой день, словно на мертвом приколе. По-прежнему стояли у трапа шоколадные полисмены, безучастные ко всему, молчаливые и лишь иногда скалившие зубы, когда помощник кока Еремчук украдкой совал им по пончику и подмигивал.

На второй день стоянки капитану доложили, что произошла какая-то подозрительная штука в цистернах для питьевой воды. В них по непонятным причинам возникла течь, и теперь на корабле кончалась пресная вода. Перегонные аппараты-опреснители, имевшиеся на корабле, не могли напоить всех вдосталь. Пришлось сесть на голодный водный паек. Дважды приезжавший Громковой заявил, что порт не даст теплоходу ни капли воды до тех пор, пока пассажир не будет взят на борт.

К ночи капитан решил уходить из порта, не выгрузив ни одного килограмма срочного груза.

– Я уйду, – заявил капитан Громковому. – Мы готовы понести убытки, но престиж нашего флага и честь своего корабля не продадим. Понятно вам это, господин бывший поручик русской армии? Оформляйте уход. Мы уходим в порт А. Надеюсь, тамошний губернатор сговорчивей. А фирма-грузополучатель имеет склады и там. И она оплатит нам этот перегон.

И ночью «Кимовец» ушел в порт А. Капитан нарочно вывел пароход из береговой воды, чтобы иметь возможность радировать. Ночью они снесли по радио с Одессой и сообщили о своих мытарствах, но слышимость была плохая; пришлось вызвать Новороссийск, и там толком ни о чем капитан не договорился.

ГЛАВА 3

Утром «Кимовец», приняв лоцмана, входил в широкую гавань порта А. Здесь надо было подойти к швартовой стенке.

Уже рассвело, и можно было разглядеть виллы, торговые здания и редкие пальмы на берегу. Здания здесь были приземистые. Преобладал серый камень и кирпич. Постройки порта выглядели сурово, негостеприимно. Оголенная песчаная коса, ограждавшая гавань с запада, подчеркивала безжалостную близость пустыни. Несмотря на ранний утренний час, день был уже накален докрасна. Багровая мгла висела над городом как зарево.

Капитан стоял на мостике и оглядывал набережную. Вдруг он взял бинокль у старшего помощника. Капитан глядел на берег минуты три не отрываясь, потом передал бинокль старпому и впервые в жизни сплюнул прямо на чистый настил мостика.

Старший помощник, приняв бинокль, стал шарить по берегу, стараясь рассмотреть, что увидел там капитан. И как вы думаете, что он там разглядел?! Губернаторский пассажир, бесплотный, как дух, и, как дух, вездесущий и неотступный, стоял на самом краю набережной; ветер трепал тонкую ткань его костюма, и весь он словно вихлялся на ветру, и с каждой минутой его было видно все лучше и лучше с «Кимовца», который подходил к берегу. А через полчаса все началось снова: с новыми чиновниками прибыл все тот же Громковой.

– Мы приехали ночью на автомобиле вместе с вашим пассажиром, – объяснил он слегка уже обалдевшему «деду». – С благополучным прибытием вас, капитан! Как была погода? Я вижу, отличная. Должен вам сказать, что здешний губернатор – человек значительно более энергичный, чем губернатор порта С, и мне поручено уведомить вас, что на теплоход ваш налагается арест до того момента, пока вы не согласитесь принять на борт известного вам пассажира. Относительно питьевой воды все наши условия также остаются в силе.

День стоял «Кимовец» в порту А. с опечатанным радио, запломбированными трюмами, с часовыми на трапе и на мостике. Ночь стоял он и еще день. Кончилась питьевая вода. Нестерпимый жар шел от раскаленных палуб и переборок. Казалось, плюнь на горячие доски – зашипит!...

Как из печки, дул суховей пустыни. Дымные столбы горячего воздуха шли оттуда и валялись на город, на море. Красноватый песок неведомо как проникал во все щели, скрипел на зубах, собирался в складках постели. Люди на корабле хрипли от жажды и колючей сухости в горле.

Капитану ночью кошмар подкатывал ноль за нулем в длинных цифрах, обозначающих размеры убытков. «Дед» осунулся и постарел лет на пять. Казалось даже, что капитан поседел, но это осел налет соли от морской воды, которой теперь приходилось смачивать волосы, приглаживая их. Но так же безукоризненно был выглажен его белый китель с золотыми капитанскими нашивками, так же гладко он был выбрит, хотя в морской воде мыло плохо мылилось.

И по-прежнему сверкало и блестело все на судне, и как ни в чем не бывало терли, скребли скребками и скатывали утром на приборке палубу забортной водой. 52 градуса в тени под спардеком ¹⁴ показывал Цельсий, но еще день и ночь простоял упрямый «Кимовец» на рейде в порту А., окруженный снующими полицейскими катерами.

На внешнем рейде стоял неподвижно, как бы придавив волны, тяжелый корабль с башнями, похожими на чехлы огромных пишущих машинок; рядом покачивались два эсминца. Это эскадра одной из европейских держав возвращалась после визита в Индию.

По вечерам на флагманском корабле играла музыка, нарядные катера подходили один за другим к трапу, как подходят к подъезду театра автомобили. Под прохладными тентами, которые беспрерывно окатывали водой из брандспойтов, кружились, толклись белоснежные

¹⁴ *Спардек* – палуба средней надстройки, над которой обычно помещается капитанский мостик.

танцоры. Вечером там зажигались разноцветные китайские фонарики и на воду сыпались алмазные брызги фейерверка.

А кимовцы с пересохшими, потрескавшимися губами и воспаленными глазами бесцельно бродили по горячей палубе, с тоской поглядывали на берег, где зажигались огни города, проносились фары автомобилей, где была вкусная, без ржавчины вода, мороженое и спасительная прохлада террас.

К вечеру третьего дня часовой-туземец, стоявший на мостике, воровато оглядевшись, протянул капитану фляжку.

– Попей, падроне, – сказал он шепотом, поворачивая к капитану плутоватое широкое лицо, но оставаясь неподвижным.

Капитан поблагодарил и отказался.

– Два слова, синьоре капитано, – зашептал часовой, беспокожно ворочая белками выпуклых глаз. – Рабочий комитет просил сказать: не надо брать пассажира. Если будете брать, в море встретит катер, будет обыск. Скажут: зачем взял коммуниста, тихо взял, без визы, хотел помочь бежать... Понятно, капитано? Этот пассажир – не коммунист. Этот пассажир был будто комитетчик. Оказалось – немножко шпик. Его вон! Теперь губернатор и хочет сделать так, чтобы сказали: советский торговый корабль хотел прятать коммуниста, помогал бежать арестанту. Понятно, падроне? У фирмы дела – крах. Товару много, денег мало... Этот пассажир не коммунист, этот пассажир – тьфу!...

На четвертый день к «Кимовцу» подлетел длинный и быстроходный катер. Десятка два вооруженных полицейских стояли по бортам, держась за леера ¹⁵. А на корме, под тентом, сидели развалившись Громковой и пассажир.

– Эй, на «Кимовце»! – закричал Громковой, вставая на корме. – Позовите сюда капитана, вы, комсомольцы, морсофлоты ¹⁶!

Он был навеселе. Большой револьвер в деревянной кобуре висел у него на поясе.

– Добрый день, капитан! – закричал Громковой, увидев Григория Васильевича. – Ого! Теперь у вас по виду возраст вполне капитанский. Надеюсь, и рассудок ваш стал более зрелым. Ну, я приехал в последний раз спросить вас: берете вы пассажира или нет? Если вы его сейчас не посадите к себе, то мы его посадим вам сами. Я уполномочен сделать это господином губернатором. Упрямство молодых капитанов следует искоренять. Эй, наверху там! Пронта! Спустите трап.

Никто из кимовцев и с места не сдвинулся. Но капитан видел: ребята украдкой заворачивали рукава, кое-кто уже снимал форменку, кто-то совал в карман тяжелую медную пепельницу. И потом молча, не сговариваясь, но все разом, сомкнулись в плотный ряд у фальшборта.

– Григорий Васильевич, – чуть не плача, шептал Еремчук и проталкивался к капитану. – Григорий Васильевич... Что ж мы им, неужели позволим?! Гриша... я серьезно прошу... Да уж лучше погибнуть всем до одного! Ведь советское же судно... Как хотите, только я первого же, кто ступит, пришью на месте.

– Еремчук, отставить! – сказал капитан.

– Ой, я им вмажу сейчас, честное слово, вмажу!... – бормотал Еремчук.

– Стоп, Еремчук! – сквозь зубы не сказал – простонал капитан, больно стискивая ему руку. – Стоять спокойно! Спишу в два счета. Ну!

Громковой стоял, покачиваясь на катере, задрав голову вверх.

– Трап спустить – сказано было! Оглохли? Пронта ля скала! – крикнул он по-итальянски.

Два огромных темнокожих часовых стали спускать трап. Первым вскочил на него

¹⁵ *Леера* – легкие перила, поручни.

¹⁶ *Морсофлот* – моряк советского флота.

Громковой, за ним два офицера. Они помогли влезть на трап пассажиру. Они подталкивали, его. Он неуверенно ступал, поглядывая вверх. За ними стали подниматься вооруженные полицейские. Когда эта зловещая процессия была на верху висячей лестницы, кимовцы, сгрудившись, преградили им дорогу.

– Очистить трап, живо! – молодецкато гаркнул Громковой.

«М-м!... Дал бы я сейчас этому бывшему благородию!» – едва не промычал вслух капитан и почувствовал, как отяжелели и хрустнули пальцы, сами сжавшиеся в кулак.

Он заставил себя разогнуть сведенные от ярости, слипшиеся пальцы и положил руку на поручень. Кимовцы стояли на краю палубы стеной. Они шумно дышали, кулаки их были сжаты, пожелтевшие, угрюмые лица еще более побледнели.

– Ну? – крикнул Громковой и локтем ткнул Еремчука под вздох.

– Иззвиняюс-с-сь... – только выдохнул тот багровея, и капитан отвернулся, чтобы не видеть в эту минуту лицо Еремчука...

Кимовцы молчали, но не шевелились.

Капитан понимал, что через секунду неизбежно начнется свалка. И ее не предотвратить. Он уже представлял себе заголовки в вечерних газетах порта А.: «Драка на советском корабле», «Красные моряки большевистского теплохода пытались избить полицейских...»

– Спокойно, спокойно, ребята! – продолжал тихо говорить капитан, а сам уже с отчаянием сознавал полную свою беспомощность. «Что же делать, что же делать, как выйти из положения?... Ведь посадят, факт, насильно посадят. Не выбросить же его потом за борт!»

И вдруг он случайно взглянул на внешний рейд. Из труб эсминцев и линкора валил густой жирный дым. Эскадра, видимо, снималась с якоря, иностранная эскадра. Вероятно, там сам адмирал на флагмане.

– Еремчук, – шепнул капитан, – быстро! Стань на фалы, подымай «ОВ»... Живо, давай! Петров, к тифону ¹⁷, открой сигнал! Ходи веселей – моментом!

Полицейские напирали. Медленно, молча, вершок за вершком сдавались кимовцы. Пассажир был уже почти на самой палубе. И вдруг засипел, заревел и завыл могучий тифон «Кимовца». Он ревел не умолкая целую минуту, на мгновение как бы передохнул и снова взвыл. Это был сигнал о бедствии. И в ту же минуту на мачте взвились два цветных флага – «О» и «В»: «Терплю бедствие».

– Вы что, с ума сошли? – закричал Громковой, бросаясь на мостик. – Прекратить сигналы! Опустить флаги! Ле бандиере!... Де сигнале!...

Но заставить замолчать тифон было нелегко. Петров крепко-накрепко прикрутил проволокой рычаг гудка к трубе, и тот теперь ревел неумолчно. Полицейские пытались снять флаги бедствия, но ловкий, как белка, Еремчук, забрался с ворохом сигналов на верхушку мачты и перевесил флаги повыше. Полицейские топали вниз, по палубе, размахивая револьверами, но стрелять не решались...

Горластый гудок «Кимовца» заливал тревогой тихую лагуну порта. И переполох оглушил мирный тропический день.

Капитан видел: на всех пароходах, стоявших в порту, грузчики прекратили работу. Они подбегали к борту и, прикрыв ладонью, как козырьком, глаза, старались разглядеть, что происходит на рейде. Да и было на что посмотреть! Огромный корабль с красным флагом за кормой здесь, в порту, среди бела дня подымал один сигнал бедствия за другим. Полицейские суетились на его палубе, не зная, как видно, что делать. На берегу собиралась обеспокоенная толпа. Кто посмелее, те уже прыгали в лодки. К «Кимовцу» со всех сторон мчались легкие белые суденышки. Татакали полицейские мото, визжали уключины.

¹⁷ *Тифон* – аппарат, производящий звуковые сигналы. На теплоходах гудок тифона дается сжатым воздухом.

Полуголые туземцы лихорадочно гребли к советскому теплоходу, вскидываясь при каждом взмахе красных весел.

На кораблях эскадры заметили тревожные сигналы.

На ближайшем миноносце взлетели вверх флажки международного свода «О» и «Д». По своду это обозначало вопрос адмиралу: «Полагаете ли вы, что нам следует пройти без внимания мимо судна, которое находится в столь бедственном положении?»

Но Громковой уже понял, что дело скандально проваливается. Широкая огласка была тут недопустима.

– Ферма!... Отставить! – завопил он полицейским. – Вы убирайтесь вниз, о, диаволо!... – накинулся он на пассажира. – Капитан... Григорий Васильевич... бог мой, к чему такой тарарам?... Зачем сор из избы?... Дорогой мой... давайте ладком, мирком...

– Так когда начнем выгрузку? – не спеша осведомился капитан.

– Ах ты боже мой! За нами дело не станет... Сколько шуму из-за пустяков! – Громковой метался, стараясь перекричать гудок. – Только прикажите замолчать... Я совсем оглох от этого воя. И, умоляю, снимите флаги, скорее!

– Сейчас, – сказал капитан, как бы прислушиваясь, – одну минуту. Действительно звучно. А вот еще послушали бы вы, как у наших сверхскоростных ястребов-самолетов моторы режут... Куда там нашему тифону! М-да... Ну, а как насчет вынужденного простоя и удлинения рейса досюда? Придется вам уж на себя записать.

Громковой оторопел.

– Позвольте, капитан! В нашем чартере, в нашем договоре, значит... в случае задержки судна властями...

– Не согласны, значит?... Петров, открой воздух на второй тифон.

– Хорошо, хорошо! Только прекратите это кукареку! – взмолился Громковой. – Вы же весь город переполошите... Вы меня буквально режете. Ну ладно, согласен! Слышите, согласен!... Русским языком я вам говорю или нет?!

– Язык-то у вас русский, да выговор не наш. Ну да ладно! Петров, стоп сигнал! Еремчук, кончай! Воздух и флаги держать в готовности. А вы, – продолжал капитан, обращаясь к Громковому, – пожалуйста ко мне, подпишите что требуется. Прошу.